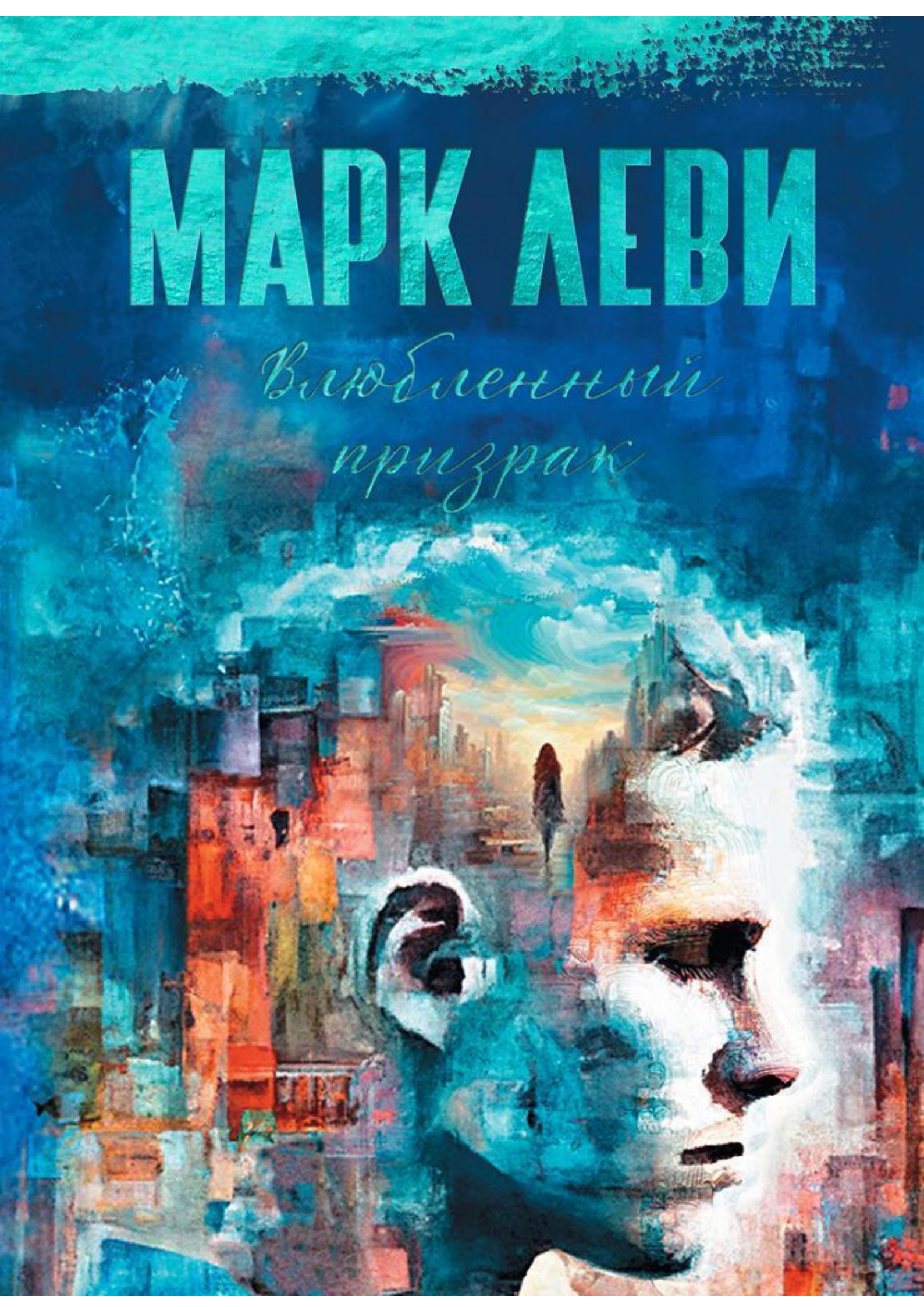

МАРК ЛЕВИ

*Влюбленный
призрак*

Марк Леви

Влюбленный призрак

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.133.1-3Леви
ББК 84(4Фра)-44

Леви М.

Влюбленный призрак / М. Леви — «Азбука-Аттикус», 2019

ISBN 978-5-389-17465-8

Представьте: в вашу жизнь врывается призрак и просит помочь исполнить его самое заветное желание. Готовы ли вы бросить все дела, вскочить в самолет и отправиться вместе с ним на другой конец света? Тома, молодой пианист-виртуоз, оказывается втянут в фантастическое приключение: семейные «скелеты в шкафу», рискованное путешествие в Сан-Франциско в попытках обрести утраченное время... и неожиданная встреча. В традициях лучших романов Марка Леви эта книга заставляет поверить в чудеса и задуматься о том, что самое дорогое в жизни — это отношения с близкими людьми, и если что-то можно исправить, то действовать стоит прямо сейчас, не откладывая на завтра!

УДК 821.133.1-3Леви

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-17465-8

© Леви М., 2019

© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

1	6
2	11
3	15
4	23
5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Марк Леви

Влюбленный призрак

Моему отцу

Я люблю, когда музыка пробуждает призраков, живущих во мне.
Дэвид Боуи

Marc Levy
GHOST IN LOVE

Перевод с французского
Аркадия Кабалкина

www.marclevy.info

© Illustrations de Pauline Leveque

© Editions Robert Laffont, S.A.S., Paris, Versilio, Paris, 2019

© Tess Steinkolk, фотография автора

© Djohr, дизайн обложки

© А. Кабалкин, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019

Издательство Иностранка®

Тебе было восемь лет, я готовил тебе завтрак, ты в это время собирал ранец. Ты пришел на кухню, я услышал за спиной твои шаги и оглянулся. Ты уставился на меня своими огромными глазами и задал вопрос:

– Скажи, папа, быть отцом – это как?

Я, помолчав, спросил:

– Будешь яичницу?

Не мог я найти те простые слова, которых ты ждал. Мой ответ был не в словах, а в улыбке, которую я тебе посылал, в моих глазах, в желании узнать, чего бы тебе хотелось на завтрак, что ты предпочитаешь на обед и на ужин сегодня и во все последующие дни. Возможно, в этом и состоит отцовство, но я не знал, как тебе это объяснить. Нас разделяли кухонный стол и сорок лет. Глядя на тебя, я думал, что мне стоило бы пораньше отказаться от юношеского эгоизма, раньше познакомиться с твоей мамой, раньше тебя зачать. Были бы мы с тобой ближе друг к другу при меньшей разнице в возрасте? Кажется, я никогда не умел ответить на этот вопрос, но не мог перестать его себе задавать. Мне нужно было исчезнуть, чтобы ты сам приступил к поиску, чтобы принялся раскапывать клад пережитых нами мгновений, собирать уснувшие воспоминания, как собирал сейчас тетрадки в ранец, чтобы захотел познакомиться со мной заново. Не эта ли странная игра жизни заставила меня возродиться сегодня, чтобы наконец соединить нас? Сегодня, когда ты уже не просто мой сын, а взрослый мужчина.

1

Зал Плейель был пуст, и если снаружи весеннее солнце изо всех сил согревало город после робкой зимы, то здесь сквозь полумрак пробивался лишь один наспигованный пылинками луч света, освещающий сцену и рояль.

Второй концерт Рахманинова – затейливое сочинение, из тех, при исполнении которых мало одного виртуозного мастерства. Всякий раз, когда Тома осмеливался к нему подступиться, все его прежние достижения оказывались под сомнением. Музыканту приходилось искать что-то невидимое, раскалять пережитые раньше эмоции, черпать в своей памяти превратности жизненного пути от самого детства до завтрашнего дня, когда здесь, в этом концертном зале, тысяча людей обратится в слух, а горстка критиков примется искать поводы для осуждения.

После последнего фортепьянного аккорда свет трижды мигнул. У осветителя иссякло терпение.

– Ладно там, я почти закончил, еще разок – и все, ухожу! – крикнул ему Тома.

– У вас и так прекрасно получается, – донеслось из-за кулис.

Тома мог бы прыснуть: свое суждение высказывал всего лишь осветитель; однако он привык доверять слуху Марселя. В сущности, этот человек присутствовал на большем количестве концертов, чем сам Тома, освещал своими прожекторами оркестры со всего света, почему же он должен верить ему меньше, чем дирижеру, не удосужившемуся явиться на последнюю репетицию?

– Мне пора домой, мсье Тома. Не хочется вас здесь запереть, хотя, уверен, вы были бы не против. Расслабьтесь, проветритесь. В вашем возрасте должны быть занятия интереснее ночевки в концертном зале. – Произнесший эти слова добродушный толстяк вывалился на сцену. – Говорю вам, вы большой молодец! Уверен, Рахманинов ликует, глядя на вас с небес, можете мне поверить.

– Лучше бы он меня слушал, – проворчал в ответ Тома, закрывая клавиши крышкой. – И вообще, кто вам сказал, что этот монстр, сочинивший зверски трудную партитуру, заслужил небесное блаженство?

– А я о чем толкую? – Осветитель стал подталкивать Тома к выходу из зала. – Допустим, он вас слышит, но я-то еще и вижу из своей будки, как вы играете. Поверьте, музыка струится у вас из глаз, даже когда вы жмуритесь. Если завтра вы выступите так же, это будет настоящий триумф!

– Вы мне льстите, Марсель.

– А вы мне грубите. Какая к черту лесть! Вон отсюда! – И осветитель снова подтолкнул Тома к двери. – Меня заждалась жена, если я еще сильнее задержусь, то страшно подумать, какая встреча уготована мне дома. Ступайте к вашей подружке, займитесь чем хотите, главное – чтобы у вас не было времени трусить, в страхе нет ничего хорошего. До завтра, я приду на час раньше, вдруг вам вздумается еще порепетировать.

Одиночество накрывает пианиста на выходе. Тома часто ловил себя на зависти к флейтистам, скрипачам, даже контрабасистам, покидающим зал вместе со своими инструментами... Он засунул пустые руки в карманы и побрел по улице Дарю, размышляя, чем себя занять. Можно было бы позвонить верному закадычному другу и позвать его поужинать в какой-нибудь ресторанчик, но Серж недавно развелся, и разговор с ним не обещал большого веселья. Неплохую компанию составил бы Филипп, если бы не снимал сейчас рекламный ролик не то в Польше, не то в Венгрии. Была еще возможность прогуляться пешком до галереи Франсуа, но Тома вспомнил, что на прошлой неделе предпочел дольше порепетировать, вместо того чтобы

побывать у друга на вернисаже, а тот грешил злопамятностью. Софи с некоторых пор не отвечала на его сообщения – видимо, в очередной раз прервала их эпизодические эпистолярные отношения и не собиралась пускать его к себе в постель, когда ему понадобится чуточку тепла. Или, может, с кем-то познакомилась? Что ж, это ненадолго, рано или поздно она позвонит ему сама.

Проходя мимо ресторана «Ла Лорэн», Томá обратил внимание на парочку за одним из столиков. Любоваться с таким восхищением площадью Терн могли либо туристы, либо влюбленная пара с коротким стажем. Он перешел дорогу и направился к цветочному рынку, кольцом расположившемуся в центре площади. Там он выбрал букет фрезий и звездчатого жасмина с сильным ароматом. Его мать предпочитала белые цветы.

С букетом в руках он загрузился в автобус № 43 и уселся у окна. По тротуарам торопливо шагали пешеходы. Когда автобус затормозил на светофоре, рядом с ним остановилась изящная молодая велосипедистка. Чтобы не ставить ногу на асфальт, она оперлась рукой о стекло автобуса и улыбнулась Томá. Автобус тронулся, Томá оглянулся, чтобы посмотреть, как она исчезает в потоке машин на улице Монсо.

Внезапно вспомнилось: ему двадцать лет, они с отцом побывали на выставке датского художника в музее Жакмар-Андре. Выходя на бульвар Осман, Томá обратил внимание на шагавшую им навстречу женщину. Миновав их, она продолжила путь. То, как она и Томá переглянулись, не ускользнуло от внимания отца, который тут же посчитал своим долгом разъяснить сыну, что улица – неиссякаемый кладезь встреч, место, где нет ничего невозможного. Сколько болванов напрасно надеются соблазнить кого-нибудь в баре, завязать невразумительный разговор в гвалте ночного клуба или ресторана! Сам Раймон был в душе настоящим сердцеедом, полной противоположностью сыну, чья робость часто давала его друзьям повод для насмешек при совместных вылазках.

Томá сошел на остановке «Осман-Миромениль» и направился на улицу Трейяр. Там, войдя в подъезд, он нажал кнопку квартиры на четвертом этаже.

– Где твои ключи? – удивленно спросила Жанна, открывая ему дверь в домашнем халате.

– Я вернул их тебе больше десяти лет назад.

– Ты неизменно любезен с матерью. Эти цветы для меня или у тебя в плане романтический ужин?

– Найдется в холодильнике что-нибудь вкусное? – ответил вопросом на вопрос Томá, проскальзывая в прихожую.

– Значит, для меня. – Жанна забрала у него букет. – Как чудесно пахнут! – похвалила она цветы, унося их в кухню.

– Хватило бы простого «спасибо», – буркнул ей вслед Томá.

– Не жди благодарности от женщины, которой даришь цветы, лучше обрати внимание на то, насколько заботливо она ставит их в вазу. Неужели отец ничему тебя не научил?

Томá распахнул дверцу холодильника и оглянулся на мать:

– Можно взять ветчину?

– Разговор с тобой – сплошная романтика, милый; хорошо, что сегодня ты ужинаешь один! Я серьезно – один: я уйду и менять свои планы не намерена. Чувствуй себя как дома, оставайся, сколько хочешь, можешь даже здесь переночевать.

Томá поставил тарелку с ветчиной на стол и крепко обнял мать.

– Что-то не так? – ласково спросил он ее.

– Ты меня задушишь. Отпусти, щекотно! – Мать со смехом высвободилась из его объятий. – Признавайся, это у тебя что-то не так?

Привстав на цыпочки, Жанна сняла с этажерки вазу.

– Волнуешься из-за завтрашнего концерта? Давай поступим как обычно: чтобы не доставлять тебе лишнего волнения, я сделаю вид, что не иду. Как хорошая мама неблагодарного сыночка, не позаботившегося зарезервировать ей место в первом ряду, я притворюсь в зале невидимкой.

С утомленным и одновременно заговорщическим видом Томá достал из кармана два билета.

– Один для тебя, другой для Колеетт. Только попроси ее не аплодировать после каждой части, это нелепо!

– Сделаю что смогу, – пообещала Жанна.

Отняв у сына билеты, она спрятала их под халат.

– Ты еще не объяснил, чем я заслужила такие цветы. Великолепный букет! – Она поправила цветы в вазе. – Слишком сильно пахнет, чтобы нести его в спальню, но ты, думаю, не обидишься.

– Сегодня пять лет с того дня, как папа нас покинул. Я не был уверен, помнишь ли ты эту дату, но решил, что мне лучше побыть с тобой...

– Это тебя он покинул пять лет тому назад, мой дорогой, а меня гораздо раньше, так что эти годовщины, знаешь ли, для меня мало что значат.

– Ступай переоденься, – подсказал ей Томá. – Не знаю, что у тебя за планы, но время-то идет.

– Если разговор со мной тебя утомляет, ступай ужинать в кухню, – ответила Жанна, прежде чем ретироваться.

Томá смотрел, как она удаляется по коридору огромной старой квартиры, где он вырос. Потом он набросился на ветчину и заодно, пользуясь тем, что остался один, проверил сообщения на своем телефоне. Филипп рассказывал, как проходят съемки, жаловался на снег и на трудности работы со съемочной группой, не знающей ни слова по-французски и почти ни слова по-английски, зато восторгался Варшавой и еще больше польками. Томá не стал бы с ним спорить: в прошлом году его пригласили играть в тамошней филармонии, и у него остались прекрасные впечатления от концерта (хотя от отеля – не очень). Ему нравилось гастролировать, он ценил возможность повидать мир, пообщаться с музыкантами разных воззрений. Но карьера солиста не могла не сказываться на личной жизни. Пример тому – пылкая связь с Анной, сицилийской скрипачкой, с которой он познакомился два года назад в итальянском турне. За полгода им удалось провести вместе один уик-энд в Берлине в декабре – благодаря Шостаковичу, один вечер четверга в Берлине в марте – благодаря Баху, одну майскую пятницу в Стокгольме, где они играли фугу Брамса, чей Первый концерт ре минор, сопровождавший любовников в ночи, они окрестили «своей» музыкой. Любовь под музыку Брамса, когда вы пианист и скрипачка, – источник самых неожиданных чудес. Но июнь отдалил их друг от друга, июль усугубил разлуку, в сентябре Григ тщетно пытался снова раздуть в них пламя страсти, даром что дело было в Вене... Роман угас зимой в Мадриде. С тех пор всякий раз, когда Томá исполнял Первый концерт Брамса, дирижер просил его быть посдержаннее в адажио.

– Ты останешься? – спросила его мать с порога.

Томá встал и поставил пустую тарелку в раковину.

– Не надо, я сама! Люблю мыть после твоего ухода посуду, это создает у меня иллюзию, что ты все еще живешь здесь.

– Я, пожалуй, вернусь к себе, – ответил он. – Надо поспать, завтра я должен быть в форме.

– Я что-то путаю или ты сажаешь нас в восьмом ряду?

– Это самые лучшие места!

– Так ты меня точно не увидишь, да?

– Ты прекрасно знаешь, в чем дело.

– Всего раз, один-единственный раз во всей твоей жизни тебе показалось, что ты не читаешь в моем взгляде восхищения твоей игрой. Тебе тогда было только шестнадцать лет, ты еще учился в консерватории. Как насчет срока давности?

– Мне не показалось, я четко видел. Из-за тебя я провалился на конкурсе.

– А что, если мой взгляд не лгал и ты провалился с первых же аккордов? Насколько мне известно, с тех пор ты сумел все наверстать.

– Знаешь поговорку: взрослый – это ребенок с долгами.

– Раз так, быть тебе навечно моим должником, мой милый. Но в ожидании расплаты можешь оставаться здесь столько, сколько пожелаешь.

– У тебя не завалилось пачки сигарет?

– Я думала, ты бросил курить.

– Не ношу с собой сигарет – вот и не курю.

– Поищи в старом письменном столе своего папаши. Колетт пользуется нашими субботними ужинами, чтобы покурить в рукав, – скажи, куда это годится в ее возрасте? Сдается мне, она «забывает» свою пачку в ящике справа, хотя, бывает, и слева, чтобы придать пикантности своему очередному визиту. Ты ничего не сказал о моем наряде, как считаешь, твоя мама все еще привлекательна?

Томá устался на ее узкую черную юбку и белую блузку. Казалось, время не властно как над ее фигурой и изяществом, так и над ее тягой к провокации.

– Зависит от возраста твоего кавалера, – бросил он небрежно.

– Родила негодника себе на горе! – воскликнула она, изображая возмущение. – Ничего, я с тобой поквитаюсь, когда тебе понадобится мой совет. Все, убегаю, уже точно опоздала. Но ты смотри, не переборщи тут с весельем!

Она исчезла, мурлыча себе под нос, – этим проще всего было вывести сына из себя, о чем она отлично знала. Томá поспешил к письменному столу и порылся в обоих ящиках. Искомую пачку он нашел под каким-то блокнотом и, открыв ее, с удивлением обнаружил там не легкие сигареты, а шесть мастерски свернутых самокруток.

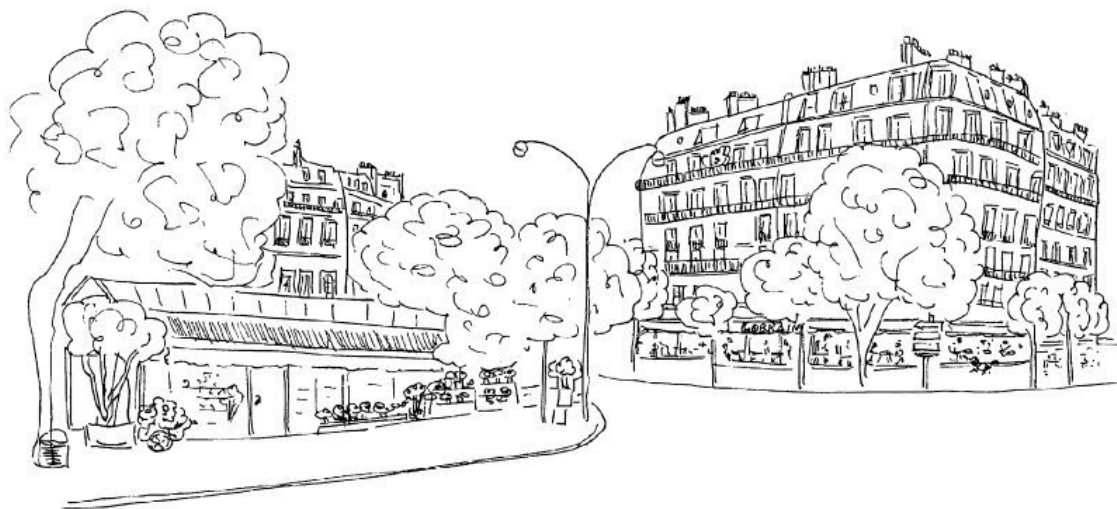
Томá курил траву всего раз в жизни. На заре юности отец затерроризировал его рассказами о катастрофическом воздействии наркотиков на незрелый мозг. При помощи фотографий и устрашающих текстов он предоставлял сыну неопровержимые доказательства того, что употребление запрещенных законом веществ способно необратимо подорвать нервную систему и перечеркнуть все его надежды на карьеру концертирующего музыканта. Отец был не кем-нибудь, а хирургом, это тоже сыграло роль. Нарушение запретов было неотъемлемой частью познания жизни, поэтому Томá рискнул. Всего разок. Дело было как-то в выходные, в Нормандии. Томá преодолел свой страх только на второй вечер, удостоверившись, что у тех, кто сделал это накануне, не наблюдается серьезных двигательных нарушений. Для пущей верности он сначала упросил Сержа и Франсуа пожонглировать подручными предметами, пробежаться со связанными ногами, сыграть в бильбоке и посоревноваться в метании дротиков. Друзья не остались в долгу и подсунули ему для «огненного крещения» увеличенную дозу. В итоге Томá почти всю ночь с дурацкой улыбкой наблюдал за коровами, свившими себе гнездо посреди его комнаты.

Но в этот вечер Томá мучило неодолимое желание курить, а так как косяк, оказавшийся у него в руках, оставила Колетт, его крестная и лучшая подруга его матери, уже разменявшая восьмой десяток, то он посчитал, что опасность невелика. Подумаешь, одна, максимум две затяжки!

И он закурил, поднеся к бумажному кончику самокрутки огонек зажигалки. Легкие наполнились дымом, и Томá, так до конца и не бросивший курить, с наслаждением его выдохнул. Вторая затяжка принесла желанное успокоение, третья должна была стать последней, он

дал себе слово, но за третьей последовала четвертая... У Тома́ закружилась голова, и он поспешил раздавить окурок в пепельнице. Встав, он покачнулся, потом шагнул к высокому окну, чтобы открыть створку.

Когда его пальцы взялись за оконную ручку, за спиной у Тома́ раздался голос, советовавший не выходить в таком состоянии на балкон. От этого голоса у него кровь застыла в жилах: отцовский тембр невозможно было спутать ни с каким другим.

2

Это было не просто ослепление, а ужасающее ощущение головокружения для человека, ни на секунду не допускающего потери самоконтроля, знающего, что от точности движений каждодневно зависит его карьера. Таков пианист, таков – в еще большей степени – хирург, и уж тем более таким был его отец, чей голос донесся сейчас прямоком с того света!

Томá прилип лбом к стеклу, вперив взгляд в балкон квартиры напротив в надежде прекратить охватившую его дрожь.

– Да отпусти ты ручку, из закрытого окна никто еще никогда не вываливался, – шутливо произнес голос.

– Ты меня предупреждал... – пролепетал Томá. – Что я натворил?! Что это за сигареты? Я сжег свои нейроны!

– Успокойся, Томá, прошу тебя! – прогремел голос. – То, что ты сейчас меня слышишь, не имеет к этому никакого отношения.

– Не имеет отношения? – повторил Томá, не отлипая от стекла. – Я разговариваю с призраком моего отца! Господи, как кружится голова, я этого не переживу...

– Оставь в покое Господа. Спасибо за призрака, ты очень любезен. У тебя паническая атака, при сложившихся обстоятельствах это простительно. Помнишь хитрость, которой я тебя учил для преодоления страха перед выходом на сцену? Приложи ладони ко рту, вдохни и выдохни, углекислый газ сделает свое дело, и твое самочувствие быстро улучшится. Я бы охотно тебя поддержал, если бы мог, но, увы, это не в моих силах. То, что мне удастся говорить с тобой, – уже большое достижение.

Томá почувствовал, что у него подкашиваются ноги, и осел на паркет. Съежившись в клубок, он зажал голову между коленями.

– Брось, Томá, хватит вести себя как ребенок.

– Сначала крылатые коровы, теперь я слышу призрак отца... Почему я не могу жить как все? Стоит мне выпить – и меня раздувает как кашалота, затянусь косячком – и у меня чувство, что я сейчас подохну...

– Не пори чужь, любой из нас расплачивается за свои излишества, просто одни это признают, а другие блефуют, вот и все.

– Умоляю, пусть этот голос стихнет! – завопил Томá, зажимая себе уши.

– Я просто хотел тебя подбодрить, зачем грубить?

Но Томá не испытывал никакой бодрости, слыша голос мертвеца так живо, как если бы тот оказался в одной с ним комнате.

– Если ты решишься поднять голову, то убедишься, что органы чувств тебя не обманывают, – сообщил голос.

Томá набрал в легкие побольше воздуха и приподнял голову. В темном углу в своем любимом глубоком кресле из черной кожи восседал его отец. От этого зрелища в горле Томá застряло единственное пришедшее ему в голову слово:

– Папа?..

Годовщина кончины отца, стресс накануне концерта, усталость, косяк, к которому ни в коем случае нельзя было прикасаться, – все это вместе взятое вполне могло наделить смыслом явную бессмыслицу.

– Выплюнь ночью – и завтра все придет в норму, – прошептал он.

– Обязательно объясни мне в следующий раз, что такое, по-твоему, «норма». Нормально ли, чтобы молодой человек твоего возраста, приятной наружности, можно сказать, вылитый

отец, виртуозный мастер своего дела, накануне очередного концерта сидел один, да еще в квартире своей мамы? Если это и есть твоя «норма», то заberi ее себе, спрячь и никому не показывай. Подойди, хочу тебя хорошенько разглядеть.

Но Тома́, окаменевший от этого видения, не мог шелохнуться.

– Как хочешь. Попробую сам до тебя добраться, но учти, мои движения пока что немного хаотичны. В ближайшие часы это должно наладиться. Хотя наши с тобой представления о времени не вполне тождественны.

Тома́, вытаращив глаза, следил, как фигура отца, покинув кресло, движется к каминной трубе, оттуда скользит вдоль стены и, добравшись до письменного стола, присаживается на его краешек.

– Гляди-ка, я неплохо справляюсь! – радостно сообщил отец. – Понимаю, тебя это шокирует. Пойми, ты не жертва галлюцинации, перед тобой действительно я, можешь мне поверить.

– У меня такое ощущение, что ко мне обращается Марсель.

– Что еще за Марсель? – осведомился Раймон.

– Осветитель в концертном зале Плейель. Комментируя мое исполнение, он всегда повторяет: «Можете мне поверить, мсье Тома́...»

– Ты веришь какому-то осветителю?

– Да, он страстный меломан.

– А как насчет доверия к родному отцу?

– Маленькая подробность: Марсель жив. Это кое-что значит! – Тома́ поморщился от сильного сердцебиения. – Надо же, я тебе отвечаю! Конечно, это галлюцинация!

– Заметь, я догадывался, что придется запастись терпением, и подготовился к этому, как время ни дорого. Вернемся к твоему детству. Когда я садился вечером в ноги твоей кровати и рассказывал тебе на сон грядущий сказки про фей и про демонов, существ со сверхъестественными способностями, обитателей далеких краев, ты слышал меня в темноте? Соглашался верить в придуманные мной миры?

Тома́ кивнул в знак согласия.

– Так что же с тобой с тех пор произошло?

– Ты останешься здесь, а я встану, пойду в ванную, умоюсь холодной водой, а когда вернусь, тебя здесь уже не будет. Договорились?

– Ну и упрямец ты! Ты что, не рад меня видеть?

Тома́ не ответил. Собрав все силы, он выполнил свое обещание: встал, вышел и тихо закрыл за собой дверь кабинета. Умывшись, он прилег на диван в гостиной. Голова еще кружилась. Он закрыл глаза и задремал.

Разбудил его звук поворачивающегося в замочной скважине ключа. Он открыл глаза и увидел, что над ним стоит его мать и с нежностью смотрит на него:

– Ты забыл, что у тебя здесь по-прежнему есть своя комната?

– Я не собирался задерживаться, – ответил он, потягиваясь.

Выйдя из оцепенения, он резко повернул голову и испуганно, как загнанный зверь, огляделся.

– Что с тобой? – взволнованно спросила Жанна.

– Ничего, – ответил он, растирая себе затылок. – Ты в курсе, что твоя лучшая подруга хранит здесь у тебя никакие не сигареты? Неудивительно, что она курит втихаря!

Жанна вскинула голову и понюхала воздух.

– Все понятно! – в ее голосе звучало раскаяние. – Ты, должно быть, ошибся ящиком, сигареты Колект – в том, что справа.

– А в левом чьи?

– Нечего смотреть на меня прокурорским взглядом, в моем возрасте я могу делать все что захочу!

– Успокой меня: это у тебя вместо обезболивающего?

– Зачем столько пафоса? Как у меня мог вырасти такой серьезный сын? Что я упустила в твоём воспитании?

– У нормальных родителей несколько иные заботы...

– Согласись, эти твои «нормальные родители» – невозможные зануды. Я не сразу стала твоей матерью, сначала я была девушкой поколения 1968 года. Мы не пристегивались за рулем, гоняли с развевающимися на ветру волосами, пили, курили, потешались над всем, особенно над собой, не боясь никого задеть, выходили на демонстрации под лозунгами защиты, а не ограничения свободы, а еще мы знали, что такое частная жизнь. Кое-кто умирал молодым, зато какая это была жизнь!

– Что ты кладешь в свои косяки? – осведомился Тома́, стараясь не показывать озабоченности.

– А что я, по-твоему, могу туда класть? Это всего лишь травка, но самая классная. Согласна, без привычки она кажется крепковатой, после нее просыпаешься с тяжелой головой, но не сомневайся, твое исполнение ничуть не пострадает... Но неужели это мой косячок так тебя скрутил? Что это с тобой?

Пришлось Тома́ поведать матери о странной галлюцинации, посетившей его в соседней комнате. Она задумчиво его выслушала и согласилась, что, возможно, превысила при составлении смеси оптимальную дозу.

– Что он тебе наплел? – полюбопытствовала она, садясь рядом. Можно было подумать, что сейчас последует пересказ беседы с соседями по лестничной клетке.

– Что я не выпаду в окно.

– Какие странные мысли! Это все?

– Больше ничего особенного, разве что то, что он, возможно, излишне надо мной трясся, когда я был маленьким...

– Возможно? А то ты не помнишь, как он носился с тобой, как ограждал тебя от любого сквозняка, как кутал тебя – не дай бог простудишься? Сколько раз я видела, как ты возвращаешься из школы весь в поту. Что поделаться, как врач, он повсюду видел заразу. Обо мне он тебе, конечно, ничего не сказал?

– Перестань, мама, это была галлюцинация, а не светская беседа.

– Мало ли что... Мне он тоже снился вскоре после... Ну, ты понимаешь.

– Он с тобой разговаривал? Ты его действительно видела? – оживился Тома́.

– Да, видела, я же сказала! И да, он со мной разговаривал.

– Ну и что же он тебе говорил?

– Что он очень огорчен. Но я его извинений не принимала. Признаться, он являлся, когда я была слегка под мухой. Как выглядел твой отец? Он был в хорошей форме?

– Вполне... Сам не знаю, зачем я тебе отвечаю. Абсурд какой-то!

– Тебе было хорошо от этой встречи?

– Я так не сказал бы.

– Жаль, это не каждому дано.

– Лучше бы этой встречи не было, если уж на то пошло, хотя... не знаю. Если бы я не чувствовал себя одурманенным, я бы оценил этот редкий момент.

– У меня гениальная идея! Приходи ко мне после концерта, мы попробуем повторить. Я тебе кое-что расскажу для него, будешь моим посланником. – И она подмигнула сыну.

Тома́ с сомнением вздохнул.

– Мамочка предлагает сынку курнуть с ней травки, чтобы он передал ее послание призраку своего папочки. Ты, кажется, спрашивала, что упустила в моем воспитании?

– А ты предпочел бы, чтобы я предложила тебе сыграть в бридж или заняться макраме? Иди спать, завтра у тебя концерт, обсудим все это в другой раз. Можно будет нам прийти к тебе в гримерную и поздравить после выступления или это тоже неуместно?

Томá поцеловал мать в лоб и ушел.

На улице, все еще чувствуя себя странно, он решил взять такси. Шагая к стоянке, он размышлял, стоит ли позвонить Софи. Больше, чем когда-либо, ему сейчас необходимо было ее присутствие, необходимо было поговорить с человеком, который тоже посчитал бы пережитое им ненормальным, с кем-то, кто проявил бы хоть немного сочувствия.

Но он не стал ей звонить из опасения выставить себя сумасшедшим.

Томá жил в двухкомнатной квартире в мансарде. Преодолев пешком пять этажей, он пришел в себя. Вернулось душевное равновесие, наркотик, похоже, выветрился, страх прошел.

Прежде чем лечь, он огляделся, встал под окном в крыше и с улыбкой воздел глаза к небу.

– Если бы ты знал, что я пережил сегодня вечером, то первый покатился бы со смеху! Ты здорово меня напугал, но все равно приятно было увидеться с тобой, папа, пусть даже во сне.

Дождавшись, пока Томá уснет, Раймон присел на край его кровати. Он тоже улыбался, любуясь сыном.

3

Шум голосов в зале нарастал, достигая кулис. Так бывает с поднятой ветром зыбью: тем, кто прислушивается к этому звуку, он кажется гораздо громче, чем на самом деле. Оркестр выстроился в очередь в коридоре, ведущем к сцене. Люстры стали тускнеть, музыканты потянулись к своим местам. Поднялась веселая какофония настройки инструментов, заставившая публику притихнуть. Наконец на сцене появился пианист. Колетт крикнула «браво!», публика послушно захлопала. Дирижер встал за пюпитр и повернулся к Томá, чтобы его поприветствовать, Томá привстал с табурета и ответил ему тем же. Марсель занял свое рабочее место, и «Стейнвей» засиял, почти как небесное светило.

Дирижерская палочка взлетела в воздух, Томá набрал в легкие побольше воздуха, приподнял кисти и извлек из инструмента медленную восьмитактовую серию аккордов в подражание церковным колоколам, потом его пальцы обрушились на клавиши, извлекая поток восьмых долей. Вступили легким дуновением скрипки – зимние ветры, колеблющие степь. Томá зажмурился, он уже перенесся в далекую Россию, в другой мир, в другую эпоху, когда не существовало еще ничего, кроме романтического неистовства. Под бег его кистей к высоким октавам Колетт вскочила с кресла, чтобы проследить за его виртуозными пальцами, трепеща сердцем вместе с ними; Жанна потянула ее за полу и заставила снова сесть.

Играя на сцене, Томá испытывал ни с чем не сравнимый восторг. С ним разговаривали скрипки, к их беседе спешили присоединиться гобои. Рахманинов сочинил свой Второй концерт, когда проходил лечение гипнозом, и его партитура получилась повестью о духовном возрождении. В самом начале первой части композитор выходит из оцепенения, потом его посещают величественные воспоминания о пережитых мгновениях. Томá и Рахманинов сливались воедино, как будто рядом с пианистом за клавишами сидел призрак композитора, и четыре руки превращались в две...

Томá мельком бросил взгляд в зал и увидел в первом ряду отца: тот сидел на коленях у молодой женщины, понятия не имевшей о его присутствии.

Дирижер удивился, когда пианист перепрыгнул через несколько нот. Но на то Томá и был виртуозом, чтобы не сбиться с темпа. Оркестр вел мелодию, фортепьяно откликалось нежным пением. В конце первой части Томá улучил момент, чтобы вытереть лоб. Началось медленное адажио, исполняемое флейтами и гобоями, к которым предстояло присоединиться фортепьяно. Новый взгляд в зал: там отец с горделивой улыбкой закинул ногу на ногу. Дирижер оглянулся, удивленный новой оплошностью пианиста в напряженном оркестровом эпизоде. Томá поправился при могучей атаке, в виртуозном стаккато.

- Что-то не так... – прошептала Колетт.
- Вечно у тебя все не так, лучше помолчи, – шикнула на нее Жанна.
- Он весь мокрый, а в зале арктический холод, – не унималась Колетт.
- В него бьют прожекторы! Замолчишь ты наконец?
- Гляди, какие взгляды он бросает на девицу в первом ряду! Слушай, я пока что в своем уме. Сама видишь, с ним что-то не так.
- С кем что-то не так, так это с тобой. Он в полном порядке и играет божественно!
- Раз ты так считаешь, я умолкаю.
- Давно пора.

Своей болтовней они разозлили соседей. Жанна успокоила их покаянной улыбкой и жестом дала понять, что у ее подруги случаются заскоки.

- Некрасиво выставить меня чокнутой, на себя бы посмотрела, – проворчала Колетт.

Началась третья часть, и Томá простился с русской степью. Во время продолжительного оркестрового аллегро пианист старался сосредоточиться и не смотреть на кресло, в котором

Раймон то и дело перекладывал ногу на ногу. Эта отцовская привычка всегда ужасно бесила Томá, к тому же призраку было просто неприлично делать вид, будто ему неудобно сидеть.

Пианисту предстояло длинное соло, любая ошибка в котором была бы фатальной: ни один инструмент оркестра ему не помог бы. Адресованный ему негодующий взгляд дирижера не предвещал ничего хорошего после концерта. Оставалось дожидаться, пока вступят спасительные флейты и гобои. Но как продержаться при таком жжении в пальцах, как заставить себя не утирать стекающий по лбу пот, как унять разошедшееся сердце? Больше не крутить головой, забыть про зал, думать только о матери и о крестной, которые придут потом к нему в гримерную... Это была просто паническая атака, накануне отец все про это объяснил. Нет, что за нелепая мысль! Отец ничего не мог ему объяснить, потому что его уже пять лет как нет в живых.

Томá взял четыре завершающих аккорда. Концерт был отыгран, зал неистовствовал. Колетт вскочила с криком «браво!», подхваченным всей публикой, устроившей музыкантам оглушительную овацию. Дирижер вытянул руку в сторону пианиста, признавая, что львиная доза этого одобрения принадлежит ему, но, встретившись с ним взглядом, Томá убедился, что на самом деле он рвет и мечет.

Он подошел к краю сцены и трижды низко поклонился. Овация не смолкала, настала очередь всего оркестра встать и благодарить публику за столько шумное признание. Потом занавес опустился, в зале зажегся свет.

Дирижер, положив палочку на пюпитр, направился за кулисы.

– Мне так стыдно... – обратился к нему Томá. – Что-то мне дурно.

– Я заметил. Ничего страшного, надеюсь?

– До завтрашнего выступления все обязательно пройдет, даю вам слово.

– Хотелось бы надеяться, – высокомерно отвечивал дирижер, исчезая в своей гримерной.

Томá закрылся в своей, снял фрак, сменил черные брюки на джинсы, натянул футболку, плюхнулся в кресло и, глядя на себя в зеркало, задумался, не стоит ли обратиться к врачу. Раздался стук в дверь, которая открылась, прежде чем он успел спросить, кто там. Он ждал мать и крестную, но сюрпризам этого вечера не было конца. Перед ним предстала Софи.

– Это, конечно, не Брамс, но ты выкрутился, – сказала она с улыбкой.

В своем длинном черном платье она выглядела ослепительно. Она собрала волосы, как делала на концертах, напомнив Томá своим видом об их совместных выходах на сцену.

– Я не знал, что ты в Париже, – ответил он вставая.

– Жизнь полна неожиданностей. Завтра я уезжаю. Не знала, стоит ли к тебе заглянуть, чтобы обнять, собиралась написать тебе уже из Рима, но ты кланялся с таким одиноким видом, что...

– Что ты пришла, само это много значит.

– Я увидела в афише твое имя, когда проходила утром мимо зала. Нет, вру, что за дурацкая отговорка! Я продолжаю следить издали за твоими гастролями, – не спрашивай зачем, у меня самой нет ответа.

– Хочешь, сходим куда-нибудь поужинать? – предложил Томá.

– Я кое с кем встречаюсь, Томá. Мне с ним хорошо. Я подумала, что это удобный случай сказать тебе об этом.

– Ты не обязана передо мной отчитываться.

– Знаю, но так лучше. Ты не сердишься на меня?

– За то, что ты счастлива? Как можно на это сердиться?

– Потому что мне и с тобой было хорошо. Ты увлекал меня, не похищая, держал, но не захватывал, любил меня, не желая, – тебе это ничего не напоминает? Не важно, это жизнь, я ни о чем не жалею.

– «Сезар и Розали»¹, мы смотрели этот фильм несколько раз подряд, когда выступали в Стокгольме, фильм был дублирован на шведский, я декламировал тебе диалоги.

– Не догадываясь, что это причиняет мне боль.

– Он музыкант?

– Нет, возможно, как раз благодаря этому у наших отношений есть шанс. Он живет в Риме, у него свой ресторан, это звучит не очень музыкально, согласна, но мы с тобой как два моряка, нам нужен порт приписки, иначе мы пойдем ко дну – правда?

– Не знаю. Может быть, ты права.

Она подошла, прижалась к нему, погладила по щеке:

– Ты тоже заслуживаешь счастья, милый Тома. Когда ты ее встретишь, не отпускай, как отпустил меня. Наберись храбрости и полюби ее. – Она поцеловала его в лоб, пошла к двери, но на пороге оглянулась: – Ты перепрыгнул в адажио через несколько тактов или мне послышалось?

С этими словами она исчезла.

Немного постояв, Тома снова сел и погрузился в задумчивость перед зеркалом.

– Непревзойденная демонстрация женского гения! – воскликнул его отец, появившийся в зеркале. – Она, без сомнения, заранее запланировала месть. Отдаю ей должное: получилось бесподобно. Какая жестокость! Как по-матерински она погладила тебя по щеке! Вот змея! Врожденный талант! – Отец соединил ладони, изображая аплодисменты. – Шах и мат, старина, она отплатила тебе твоей же монетой.

– Оставишь ты когда-нибудь меня в покое? – не выдержал Тома.

– После того, что я только что видел? И речи быть не может! Я не мог вообразить, что так безнадежно запустил твое эмоциональное воспитание. Надеюсь, ты усвоишь урок, который она только что тебе преподавала. Какая-то пара минут, горстка фраз – и ты уяснил, что остался для нее всего лишь воспоминанием. Это как качели: легкий взлет, чтобы ты на миг понадеялся на привычное взаимопонимание, а потом резкое падение, чтобы ты полностью прочувствовал, какое счастье от тебя ускользнуло – в ее лице, разумеется. И ни малейшего шанса отбить мяч. Признаюсь, я в восхищении. Не довольствуясь твоим низвержением, она вдобавок потопталась на твоём трупе, напомнив, как ты сфальшивил за фортепьяно. Ну разве не мерзавка?

– У тебя всё?

– Я сказал тебе то, что должен был сказать. Да, всё.

– Сфальшивил я, между прочим, по твоей вине.

– Надо же! Ну ты наглец! Насколько мне известно, на сцене был ты, а не я.

– Ты восседал в первом ряду на коленях у какой-то блондинки, как будто нарочно, чтобы меня отвлекать.

– У меня в обрез времени, так что не упрекай меня за то, что я пришел послушать сына.

– У тебя были более интересные планы?

– Можно было бы провести вечер в «Лидо» – пользуясь моим несколько необычным состоянием, пролезть там за кулисы.

– Ты не можешь находиться здесь, в этом зеркале, не можешь со мной болтать, вообще не можешь существовать, потому что... потому что тебя не существует!

¹ «Сезар и Розали» – фильм французского режиссера Клода Соте, вышедший на экраны в 1972 г., в главных ролях Роми Шнайдер, Ив Монтан и Сами Фрей. – *Прим. ред.*

– Одно из двух: или ты упорствуешь в отрицании происходящего с нами и мы тратим драгоценное время на догадки, или признаешь, что кое-что из происходящего на свете не имеет рационального объяснения. Когда я был маленьким – увы, это было давным-давно, в середине прошлого столетия, – все утверждали, что пересадка сердца невозможна, тем не менее она стала реальностью. Еще раньше все твердили, что человек не способен летать, тем не менее до Сан-Франциско нынче одиннадцать часов лету. Хватит примеров или хочешь еще?

– Призраков все равно не существует!

– Если так, то тибетцы, китайцы, японцы, шотландцы – все цивилизации, веками поклонявшиеся призракам, – не более чем толпа кретинов, одному тебе ведома истина, не слишком ли это самоуверенно?

В дверь снова постучали, и Томá раздраженно спросил, кто там.

– Это твоя мамаша и Колетт, – подсказал шепотом Раймон, – кому еще там быть? Про нас с тобой, ясное дело, молчок. Я исчезаю, вернусь, когда они уберутся.

Томá встал и пошел открывать. Колетт вошла первой, Жанна выглядывала у нее из-за спины.

– Ты был великолепен! – крикнула его крестная с порога. – Дай поцелую, и мы уйдем, чтобы ты отдохнул, если только не предпочтешь выпить рюмочку с двумя старушками. Твоя мать рассказывает всем подряд, что я впала в детство.

– Как же ты мне надоела, Колетт! – вздохнула Жанна.

– Целых десять минут я не слышала ни одного упрека, спасибо и на этом.

Томá обнял мать.

– Ты привел зал в полный восторг, – сказала она.

– Не преувеличивай, – отмахнулся Томá, – я отыграл отвратительно. Мне повезло, что оркестр меня поддержал.

– А я что говорила?! – довольно встряла Колетт. – Я обратила внимание, что ты не в своей тарелке, но, уверяю тебя, публика ничего такого не заметила. Твоя родная мать и та ухом не повела. В кого ты так впивался взглядом в первом ряду?

– Там оказался кое-кто, давным-давно исчезнувший из моей жизни, – ответил Томá, не сводя глаз со своего отражения в зеркале.

Жанна и Колетт удивленно переглянулись. Жанна взяла подругу за руку и подтолкнула ее к двери:

– Хватит его мучить, он очень устал, он мой сын, я знаю его лучше, чем ты.

Она послала Томá воздушный поцелуй, выставила Колетт и вышла следом за ней.

Из коридора до Томá донеслось ворчание его крестной, потом наступила тишина.

В зеркале отражался только он сам. Мать была права, он выглядел не лучше комка жеваной бумаги. Он повесил свой концертный костюм, забрал кожаный портфель и погасил в гримерной свет.

За кулисами он столкнулся с Марселем, коротко пожелавшим ему хорошего вечера. Выйдя через артистический выход, Томá увидел отца, сидевшего, скрестив ноги, на капоте автомобиля.

– Как бы мне хотелось пригласить тебя поужинать! Но увы... Могу только составить тебе компанию, если тебе захочется пойти заморить червячка.

– Мне хочется побыть одному.

– Очень глупо с твоей стороны, – молвил отец, кладя руку ему на плечо.

– Зря ты так говоришь.

– Я ничего вам не говорил, – отозвался шедший мимо мужчина.

– Я не вам.

– Вы обратились ко мне на «ты», с какой стати?

– Да, это вышло некстати, – устало сказал Томá. – Вы довольны?

– Извините, что настаиваю, но, раз вы ко мне обратились, значит, я что-то вам сказал, правильно?

Томá пригляделся к незнакомцу.

– Загазованность воздуха это, что ли, или еще какое-то атмосферное загрязнение, превращающее всех в психов? – пробурчал он.

– Повежливее, молодой человек, из нас двоих псих – это явно вы. Только психи разговаривают сами с собой.

Томá пожал плечами и зашагал прочь. Оглянувшись на ходу, он увидел отца, не скрывавшего удовольствия.

– Что тут смешного?

– Согласись, это было забавно, прямо как сценка из репертуара Раймона Девоса ².

– Кого?

– Проехали, ты его не застал.

– Почему ты здесь, почему я тебя вижу и слышу?

– Полагаю, простое «потому что» тебя не устроит. Лучше я дождусь, пока мы окажемся у тебя дома и усядемся, тогда ты сможешь толком меня выслушать. Нам пора потолковать.

– После этого ты оставишь меня в покое?

– Тебе так невыносимо меня видеть?

– Я неудачно выразился. Потерять отца – большой удар. Тем более такого, как ты: тебя всегда было очень много! Мама говорила, что должно пройти время, что будут разные этапы. Но чтобы такое!.. Этого я не мог себе представить.

– Твоя мать часто говорила с тобой обо мне после моей смерти?

– Ты осознаешь, что это совершенно бессмысленный вопрос?

– В моем состоянии сознание – сомнительная категория. Меня другое зацепило: в каком это смысле меня было «очень много»? Я тебя затмевал?

Томá толкнул входную дверь, задрал голову и увидел отца, зацепившегося за перила лестницы на верхнем этаже.

– Не думал, что призраки порхают, как пташки! – проворчал он и вздохнул.

Он поднялся к себе в квартиру, повесил портфель на вешалку, достал из холодильника пиво и упал на диван.

Отец разместился в кресле напротив.

– Эта твоя манера все время ерзать, кладя ногу на ногу, страшно раздражает. Когда ты был жив, это отбивало у меня всякую охоту с тобой разговаривать.

– Я ни при чем, просто у меня были слишком длинные ноги, вечно они мне мешали. Были у меня другие неприятные тебе манеры?

– Что привело тебя сюда? Ощущение, что ты что-то недоделал?

– Не дерзи, Томá, я все еще твой отец.

– Ты мне проходу не даешь, опасность тебя забыть мне не грозит.

– Я вернулся, потому что должен попросить тебя о важной услуге. Если ты согласишься, я обещаю оставить тебя в покое. Но сначала мне надо немного рассказать тебе о себе, если, конечно, тебя не затруднит меня выслушать.

Сын словно набрал в рот воды, и отец обиженно надулся:

– Почему ты молчишь, почему так холоден, почему так тщательно соблюдаешь дистанцию? Я тебя чем-то разозлил? Я недостаточно тебя любил?

² Раймон Девос (1922–2006) – бельгийско-французский юморист, комик и клоун. – *Прим. перев.*

– Ты был горой, на которую мне всегда хотелось вскарабкаться, хотя меня не оставлял страх, что когда-нибудь эта вершина будет покорена. Ты был великим хирургом, спасавшим человеческие жизни, а что делал я? Я брэнчал на пианино.

– Ну и что? Ты эти жизни украшаешь. Ты видел глаза людей, слушавших тебя сегодня вечером? Я был потрясен и горд тобой. Да, мне довелось спасти жизнь нескольким людям, но при моей профессии не дождешься аплодисментов при выходе из операционной, никто нас не поздравляет после завершения концерта для скальпелей.

– Что это тебя вдруг потянуло на лирику?

– Таков удел ушедших в мир иной, – ответил отец, приосаниваясь.

– Хорошо, я согласен тебя выслушать. А потом ты позволишь мне уснуть, я здорово устал. Договорились?

– Клянусь! – Отец сделал вид, что сплевывает на пол. – Так-так, с чего бы начать?..

– Может, начнешь с объяснения причины своего появления?

– Очень жаль, об этом я как раз не вправе распространяться, это было обязательным условием для получения увольнительной.

– Как в армии, что ли?

– Вообще-то нет, но если хочешь, то да.

– Ты получил увольнение с того света, чтобы повидаться со мной?

Произнеся эти слова, Тома согнулся от смеха.

– Может, хватит надо мной насмехаться?

– Какие могут быть насмешки! Я беседую с призраком своего отца среди ночи... Извини, давай продолжим. Как я погляжу, это были еще цветочки, ягодки впереди. – И Тома вытер тыльной стороной ладони слезящиеся глаза.

– Ты мне нужен для одного дела, без которого мне не видать вечной жизни.

– Наконец-то все прояснилось! Тебя отправили на Землю для спасения человечества по примеру спасения твоих пациентов, в качестве доброго Дон Кихота. Ты решил, что из твоего сына получится шикарный Санчо Панса.

– Брось валять дурака, дело не терпит отлагательств.

– Какая может быть срочность, когда ты мертв?

– Когда-нибудь ты это поймешь – надеюсь, это произойдет как можно позднее. Ты позволишь мне говорить или и дальше будешь перебивать через слово?

Тома согласился умолкнуть. Он не сомневался, что видит причудливый сон и рано или поздно очнется. Эта уверенность позволила ему успокоиться и приготовиться слушать отца.

– Мы с твоей матерью давно перестали быть дружной парой.

– Спасибо за новость – ты ушел из семьи за десять лет до своей кончины.

– Я говорю о более давних временах. Вскоре после твоего рождения наша жизнь превратилась в дружеское сожительство, не более того.

– Благодарю, будь у меня психотерапевт, информация такого рода обеспечила бы ему безбедную старость еще до окончания моей терапии.

– До твоего рождения дела обстояли иначе. В те годы нас связывала искренняя любовь, но потом мы друг от друга отдалились. Отчасти это произошло по моей вине.

– В каком смысле «отчасти»?

– Я повстречал другую женщину.

– У тебя была интрижка на стороне? Нет, серьезно? У тебя всегда был вид и ухватки ловеласа, не пропускающего ничего, что движется. Думаешь, ты открыл мне глаза?

– Ты ошибаешься на мой счет. Мне хотелось нравиться, это верно, но я не волочился за юбками. Между прочим, эта великая любовь так и не состоялась, потому, наверное, она никогда не угасала.

– Ты про анестезиолога в больнице, вечно смотревшую на тебя глазами мангуста? Я всегда подозревал, что между вами что-то было.

– Ты помнишь Виолетт?

– Каждый раз, когда я приходил к тебе на работу, она гладила меня по голове, как пуделя, и млела, щебеча, что я – вылитый ты.

– Ну, так речь не о ней. Даже если между нами что-то было, это не имело последствий.

– Для тебя или для мамы?

– Будешь судить меня на сеансе у своего психотерапевта, когда он у тебя заведется, а пока позволь мне продолжить.

– Зеленоглазая врач-педиатр?

– Прекрати! Я познакомился с Камиллой не в больнице.

– Камилла, значит. Ну и где вы встретились?

– Помнишь курорт, где мы проводили лето за летом?

– А как же! Каждое лето я собирал в грязном песке ракушки, катался на карусели или ездил верхом на пони, играл в мини-гольф и никогда не выигрывал... Пикники на берегу, прогулки вокруг маяка, блины на террасе пляжного ресторанчика, игра в «Монополию» в дождь... Мне пришлось бы впасть в полное беспамятство, чтобы забыть эту бесконечную скуку.

– Ты несправедлив, для тебя это были очень веселые каникулы.

– Ты хоть раз меня спросил, действительно ли я веселюсь?

Раймон осторожно покосился на сына и продолжил:

– Там мы и встретились.

– Страшно рад это узнать. Какое отношение это имеет ко мне?

– А такое, что ловля моллюсков-петушков, карусели, езда верхом и поедание блинов – все это были для нас способы побыть вместе, а ты служил предлогом для наших встреч.

– То есть ты пользовался мной как прикрытием? Какая гадость!

– Уйми свое воображение! Мы не делали ничего плохого, Тома́, мы любили друг друга молча, чтобы вас защитить. Бывало, возьмемся тайком за руки, и тут же наши сердца бьются в сто раз сильнее, бывало, прикоснемся друг к другу – только прикоснемся, не больше; но чаще всего мы только обменивались взглядами и признаниями.

– Избавь меня от подробностей! – взмолился Тома́.

– Тебе уже не пять лет, мог бы постараться меня послушать, не перетягивая, как всегда, одеяло на себя!

– Это какой-то вывернутый наизнанку мир! Тебе любопытно, что мне нравилось в тех каникулах под серым дождливым небом? В отличие от остальных месяцев, когда ты был занят своей операционной и своими больными, тут ты полностью принадлежал мне. Наконец-то мы были вместе, ты и я. Поэтому я не желаю знать, что время, которое ты мне посвящал, было всего лишь предлогом для встреч с любовницей.

– Камилла не была моей любовницей, это было совершенно другое. А ты-то сам, ты хоть раз поинтересовался, хорошо ли мне, доволен ли я, счастлив ли?

– Я был ребенком! – крикнул Тома́.

– Ты вырос, а я подышал от одиночества! – крикнул в ответ его отец.

– А мама?

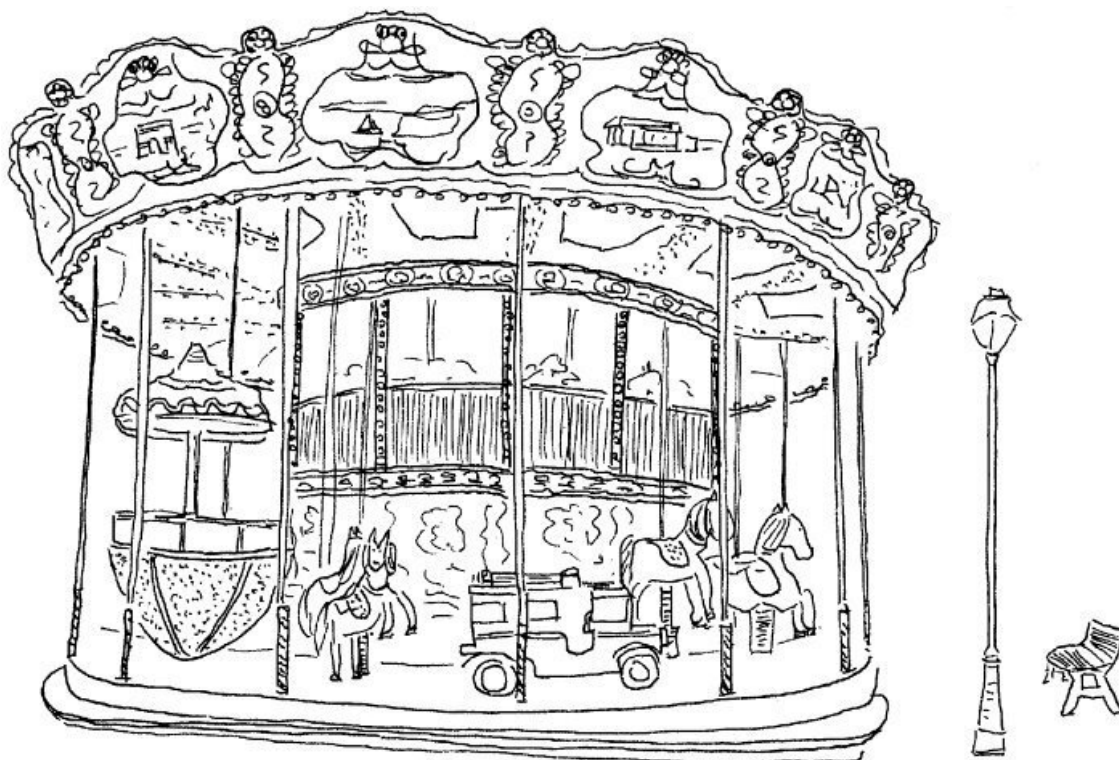
– Твоя мать здесь ни при чем, я тоже. Это была настоящая любовь с первого взгляда, Тома́, такие вещи не поддаются объяснению, – проговорил Раймон вполголоса.

– Ну, хватит с меня болтовни с отцовским призраком! Прошу тебя, приставай к кому-нибудь другому, лети куда-нибудь еще, только подальше от моей постели.

– Как хочешь, мы продолжим этот разговор завтра. Концерт вытянул из тебя все силы, сейчас не самый удобный момент, чтоб все это на тебя вываливать.

Томá встал и направился в спальню. На пороге он оглянулся на отца и окинул его свирепым взглядом:

– Никакого завтра не будет, потому что этого вечера не было, этого разговора тоже. Мне приснился кошмар, в котором сошлись все мои боли и тревоги: Софи, ты, фальшивые ноты в зале Плейель, негодующий взгляд дирижера, огорченный вид Марселя. Я по-прежнему в доме матери, лежу на диване в гостиной. Проснувшись, я уже всего этого не вспомню. Продолжится день годовщины твоей смерти, встречи с Софи не было, мой концерт еще не состоялся, и у меня самые лучшие воспоминания о летних каникулах с отцом.

4

Томá, не открывая глаз, стал ошупью искать звонящий будильник, потом, борясь со сном, сообразил, что его разбудил телефонный звонок. Он вяло потянулся к смартфону и посмотрел на экран. Нажимать отбой было бесполезно, мать не успокоится, пока он не ответит.

Он прижал телефон к уху, и туда хлынул поток слов. Материнский голос действовал на него как успокоительное, оставалось слушать ее в полусне, иногда издавая невнятное бурчание.

– Тебе удалось отдохнуть?

– Ммм...

– Я чувствую себя виноватой в том, что тебе стало так плохо после курения. Пожалуй, я слишком легкомысленно к этому отнеслась. У каждого индивидуальная реакция. У твоего отца была мерзкая привычка смеяться над моей аллергией, он утверждал, что она существует только у меня в голове. По-моему, не важно, где это происходит, в голове или в крови, важен только результат, правда?

– Ммм...

– Вот я, к примеру, реагирую на чеснок. Если в блюдо попадет хоть крохотная частичка, я неминуемо проведу бессонную ночь – мой желудок будет бунтовать.

– Ммм...

– Ты отвратительно выглядел, я так казнила себя за это! Надеюсь, все уже прошло, а если нет, то остаются старые добрые средства от похмелья, самое лучшее – томатный сок после пробуждения, он сразу поставит тебя на ноги, лимонный тоже годится. А вообще-то, невзирая на настроение, ты был настоящий красавчик.

– Ммм...

– Сегодня вечером мы с твоей крестной снова придем послушать тебя, я постараюсь, чтобы она тебя не отвлекала; не переживай, в какой бы ряд ты нас ни посадил, нас все устроит. Не забудь оставить для нас билеты в кассе – две штуки, разумеется!

– Ммм...

– Что-то я заговариваюсь, я сказала, что со мной будет Коле́тт, а на самом деле это я буду с ней. Мы заглянем к тебе в гримерную. Знаешь, я тобой бесконечно горжусь, мне не хватает слов, чтобы это выразить. Который сейчас час, всего восемь? Боже, какая рань!

– Да.

– Тогда поспи еще, мама тебя любит. До вечера, мой милый.

Томá уронил телефон на ковер, разлепил глаза, обвел взглядом спальню. К его облегчению, было тихо, в окно струился золотистый утренний свет. Долгожданное одиночество обострило его чувства.

Раз мать попросила его оставить ей места, значит, она не приходила слушать его накануне, а раз не приходила, то, значит, не выходящего у него из головы вечера попросту не было. Ни концерта, ни ошибки при исполнении, ни Софи. И, главное, никакого призрака! Осознав это, Томá испытал приступ ликования. Сев в постели, он для пущей верности позвал отца:

– Папа! Папа, ты здесь? Если прячешься, чтобы меня напугать, это не смешно.

В памяти всплыло странное воспоминание. Игра, в которую они с отцом играли с раннего детства, заключалась как раз в том, чтобы пугать друг друга, прячась и неожиданно выскакивая из укрытия. Это началось, когда ему было лет шесть, и с тех пор не прекращалось. Они прятались друг от друга за деревом у школьных ворот, в факультетском вестибюле, в подъезде, в кабине лифта, за кулисами концертного зала, даже в больнице – там Томá с ведома отцов-

ской секретарши прятался у него в кабинете. Для любимой шутки годилось любое место, за исключением собственно операционной и концертной сцены.

– Папа? – еще раз позвал Тома́, резко открывая шкаф, где не оказалось ничего, кроме чемодана и плаща.

Убедившись, что он совершенно один, Тома́ включил кофеварку и уселся в кухонном уголке, чтобы позавтракать. На душе у него было мутновато.

Позже, стоя под душем, Тома́ пришел к мысли, что должен с кем-то поговорить, поделиться своим сном, чтобы окончательно его из себя исторгнуть.

Добрый его приятелем, почти другом, был психиатр и меломан Сильвен. Тома́ часто приглашал его к себе на репетиции, поэтому теперь вполне мог попросить об услуге. Он позвонил Сильвену и предложил вместе пообедать. Сильвен, не будь дурак, ответил, что голос Тома́ свидетельствует о желании поговорить, а не просто съесть в его обществе бифштекс с жареной картошкой. Ресторан представлялся ему не самым лучшим местом для облегчения души. Уж не сердечные ли дела его тревожат, осведомился друг.

– Как тебе известно, психиатр – не советчик по части нежных чувств, – напомнил он.

– Тут другое, – заверил его Тома́. – Но ты прав, нам больше подойдет местечко поспокойнее. Я собрался рассказать тебе одну совершенно сумасшедшую историю.

Сильвену стало очень любопытно, и он назначил Тома́ встречу у себя в кабинете ближе к полудню.

Тома́ предпочел устроиться в кресле, а не на кушетке.

– Даже если это не настоящая консультация, ты все равно будешь соблюдать профессиональную тайну?

– Деликатность – свойство характера, старина. Обещаю, наш разговор не выйдет за пределы этих стен. Ну а теперь расскажи мне, что тебя сюда привело, иначе я не сумею тебе помочь.

И Тома́ обстоятельно поведал о том, что пережил... или о том, что считал пережитым.

Врач слушал его целый час не перебивая, просто делая записи. Когда Тома́ умолк, он попросил его своими словами сформулировать еще не заданный вопрос, заставивший так срочно обратиться за помощью.

– То, что я сейчас тебе рассказал, – полная бессмыслица, при этом все кажется очень реальным. Как ты думаешь, мог один несчастный косяк так сильно повредить мои нейроны, превратить меня чуть ли не в психа?

– Никогда не произноси этого слова на приеме у психиатра, на него у нас наложено строгое табу. Никаких психов не существует, просто у каждого собственное восприятие реальности, а реальность, знаешь ты об этом или нет, субъективна. Когда ты играешь на фортепьяно перед полным залом, твое сознание пребывает в другом месте. Твой дух уносится вдаль, как во сне. При пробуждении наш сон еще не полностью рассеялся, мы пытаемся отделить действительное от иллюзорного, но сон еще какое-то время нас не отпускает...

– Какой сегодня день?

– Среда.

– Выходит, вчерашний день не был сном!

– У каждого дня есть «вчера» и «завтра», это неоспоримый факт, дружище. Но ты мог прожить этот день в подобии гипноза. Так со многими бывает, иногда это продолжается лишь короткое мгновение – как загадочный эффект дежавю, – а иногда затягивается. Бывает достаточно небольшого эмоционального потрясения. Наша мозговая химия обладает огромными ресурсами, о которых мы даже не подозреваем.

– Ты считаешь, что психотропное средство может оказывать настолько длительное воздействие?

– Смотря какое. Твою проблему вызвал не выкуренный косяк, как бы силен он ни был. Виноват гораздо более сильный и стойкий препарат – иудео-христианское чувство собственной греховности.

– Ммм...

– Скажи, отец тебя упрекал?

Томá утвердительно кивнул.

– Так я и знал. В чем?

– Точно сказать не могу. В том, что меня никогда не волновало, счастлив ли он, так мне кажется...

– Видишь, достаточно об этом заговорить – и воспоминание начинает рассеиваться. Кто еще навещал тебя в этом сне? К отцовской фигуре мы еще вернемся.

– Говорю же, ко мне приходила Софи.

– Софи, с которой ты расстался, не сумев построить настоящие отношения?

– Да, примерно так... – пролепетал Томá.

– А она хотела полноценных отношений?

Новый утвердительный кивок.

– Кто еще?

– Моя мать и крестная.

– Две безгранично любящие тебя женщины, которых ты ни за что не оттолкнул бы, с которыми ты никогда не соперничал, не то что со своим отцом.

– Не улавливаю связи.

– Зато я улавливаю. Это все, больше никто?

– Больше никто, не считая уличного прохожего, несшего какую-то дичь, вызвавшую у моего отца смех. Папаша на кого-то намекнул, оговорившись, что я слишком молод, чтобы его знать.

– Молод – не молод, но ты сам видишь, с какой великолепной ловкостью ты воспользовался этим безликим прохожим, чтобы вернуться к детским травмам. Он воплощает невнимание родителей к тому, что им говорят дети. Полагаю, картина тебе ясна. Тебе стало лучше?

– Может быть. Но остается кое-какое сомнение...

– Тогда еще один вопрос, чтобы ты полностью ожил: ты уверен, что всех назвал, никого не упустил?

– Может, дирижера?

– Дирижер – воплощение авторитетной фигуры, причем не любой, а только того, кто способен оценить и одобрить твоё исполнение. Я хорошо помню наши школьные годы и твои проблемы с авторитетами. Мы приближаемся к цели, но нам еще кое-кого не хватает, и ты неспроста не спешишь его называть...

– Откровенно говоря, Сильвен, я не знаю, кто бы это мог быть.

– Неудивительно – всем нам трудно анализировать самих себя. Напрягись.

– Марсель?

– Он самый, Марсель, осветитель. Человек, зажигающий и гасящий свет, с его присказкой «поверь мне».

– При чем тут Марсель?

– Марсель – это твоя совесть. Он – твоё Я и Сверх-Я, находящиеся в постоянном конфликте. Этот кошмар, кажущийся тебе таким реальным, не случайно разворачивается в годовщину смерти отца, это напоминание твоей совести, нашептывающей: «Малыш Томá, ты еще не перестал оплакивать отца, и даже если Марсель говорит тебе “поверь”, Сверх-Марсель советует этому не верить, потому что впереди еще долгий путь».

– Все это мне говорит Марсель?

– Он самый, – важно подтвердил психиатр.

– Раз ты утверждаешь, что это он, я тебе верю.

– Вот ты и замыкаешь петлю. Ты веришь мне, веришь Марселю, веришь всем, но сейчас для тебя главное – поверить в себя, согласиться, что цель появления отца – не защитить тебя, а заставить принять мысль, что ты смертен, а главное, перестать бояться связи с какой-нибудь другой Софи. Знаешь, я был бы рад провести в твоём обществе весь день, но меня ждут другие пациенты, и их случаи куда труднее твоего. Хорошо повеселись сегодня вечером, ты уже не сфальшивишь, твоя мать будет на седьмом небе, тебя уже не станет преследовать ни Софи, ни призрак отца.

– Я что-то тебе должен? – спросил Тома, вставая.

– Как-нибудь угостишь меня обедом. Ну а уж если сможешь раздобыть билетки на Верди в Опера Гарнье в конце месяца, то я по гроб жизни останусь твоим должником.

Сильвен проводил Тома до двери своего кабинета, похлопывая его по плечу и уверяя, что уж теперь-то все точно придет в норму, если уже не пришло.

Выйдя на улицу, Тома почувствовал, что ему легче дышится. Чтобы побороть остатки сомнений, он достал мобильный телефон и позвонил своей бывшей возлюбленной.

– Тома? – удивилась Софи.

– Прости, не хочу тебя беспокоить, особенно если ты не одна, но мне срочно нужно задать тебе один вопрос, я тебя не задержу. Ты приходила ко мне в гримерную вчера вечером, после концерта? Никак не пойму, во сне это было или на самом деле! Я склоняюсь к тому, что это был сон, но ты выглядела очень реально, попросту очаровательно, хотя вела настолько нервные речи, что, проснувшись, я не знал, что подумать. Твой приход не стал главным гвоздем программы этого сюрреалистического дня, но точно добавил в него странности, вот я и решил попробовать устранить сомнения. Ты меня понимаешь?

Не слыша ответа, Тома испугался, что она повесила трубку.

– Софи?

– Я слушаю, – прошептала она. – Знаешь, что, Тома? Возможно, я ужасно сглупила, отпустив тебя, надо было проявить терпение, – сколько еще мне попадется на пути таких сумасшедших гениев, как ты? Я так и не решила, хорошо это для меня или плохо.

На этот раз она действительно повесила трубку.

Тома спохватился, что она не ответила на его вопрос. Возможно, он слишком неуклюже его сформулировал.

Шагая дальше, он решил, что лучше обо всем этом не думать, выбросить из головы этот гипнотический день, как назвал его Сильвен, и сосредоточиться на вечернем концерте.

Ему приглянулась залитая солнцем терраса ресторана «Дё Маго», он сел за столик и заказал салат.

Официант отправился на кухню, а Тома тем временем отлучился к соседнему киоску купить газету.

Вернувшись за столик, он поблагодарил соседнюю пару, согласившуюся покараулить его куртку и портфель.

Пока он тянул пиво, за спиной у него тихо прозвучало:

– Какой же ерунды способен наплести психиатр! Если твоя совесть такая же пузатая, как этот Марсель, то представляю, насколько у тебя тяжелые мысли! Лучше выбрось из головы все эти его Я и Сверх-Я!

Тома не стал отвечать отцу, он оплатил счет, накинул куртку, забрал газету и перешел через бульвар Сен-Жермен к стоянке такси. Сев в «шкоду», он попросил водителя отвезти его в зал Плейель.

На улице Бонапарт справа от водителя появился Раймон. Повернувшись к сыну, он сказал:

– Во-первых, мы с тобой никогда не соперничали, во-вторых, в школе у тебя не было никаких проблем с авторитетами. Кто, как не я, просиживал штаны на родительских собраниях?

– Не ты, а мама, – возразил Тома́.

– Послушай, какие еще детские травмы? Почему тогда не вывихи юности? Давай я лучше поведаю тебе о струпях старости, вот это будет рассказ! Недаром я занимался таким осязаемым ремеслом, как хирургия, операция не терпит субъективности, здесь или-или: резать или не резать. Потом зашиваешь – и дело сделано.

Тома́ стал напевать себе под нос, глядя в окно, как мальчишка, не желающий слушать чужое занудство.

– Хотите, включу радио? – спросил озадаченный водитель.

– Нет, не нужно, – отозвался Тома́, – сейчас мне лучше подойдет тишина.

– Ты это мне? – спросил отец.

– Кому же еще? Ты пропустил мимо ушей объяснение Сильвена, что я все еще по тебе скорблю. А уж когда ты толкуешь о соперничестве... Твои слова о психиатрах звучат жалко.

– У вас проблемы с психикой? – испуганно спросил водитель.

– Видишь, что ты устраиваешь! – рыкнул Тома́ на отца.

– Ничего я не устраиваю, вы сами ко мне обращаетесь! – возмутился таксист.

– Кто кого звал сегодня утром в квартире: «Папа, папа»? Я притворился невидимкой, чтобы дать тебе поспать. Тебя разбудила мать, а не я.

– Разбудила – и спасла от кошмара. Я думал, ему пришел конец, но где там...

– Мы как раз на набережной, хотите, поедem в больницу Помпиду? – предложил таксист. – Десять минут – и мы будем там, благо пробок почти нет.

– Благодарю вас, в больницу мне ни к чему.

– Знаете, по-моему, вам не очень хорошо, как хотите, но только чтобы без припадков в моем такси!

– Прошу прощения, просто я разучиваю текст для роли в пьесе.

– Тогда другое дело! – Таксист облегченно перевел дух. – Что за пьеса? Моя жена обожает театр.

– «Папаша-гипнотизер», непростая история о детско-родительских отношениях.

– Валяй, болтай языком, издевайся надо мной дальше, – сказал Раймон. – Если ты хотел убить отца, как выражаются психиатры, то ничего не вышло, я и так уже мертв.

– Очень смешно!

– Это то, что надо, – одобрил таксист, – потому что обычно театр – мрачноватая штука, но жена обожает театр, а я обожаю жену, так что ничего не попишешь. Кто играет вместе с вами?

– Чтоб я знал!

– Вы что же, один на сцене?

– В каком-то смысле да.

Тома́ замолчал, отец тоже. Он хмуро смотрел на дорогу, сложив руки на груди.

Подъехав к залу Плейель, таксист повернулся и, отдавая сдачу, попросил у Тома́ автограф.

Отец проводил сына до служебного входа.

– Ладно, останусь здесь, не пойду на выступление, чтобы тебя не отвлекать, но уж потом изволь меня выслушать. Ты мне нужен, ты мой сын, мне не на кого рассчитывать, кроме тебя. Время поджимает.

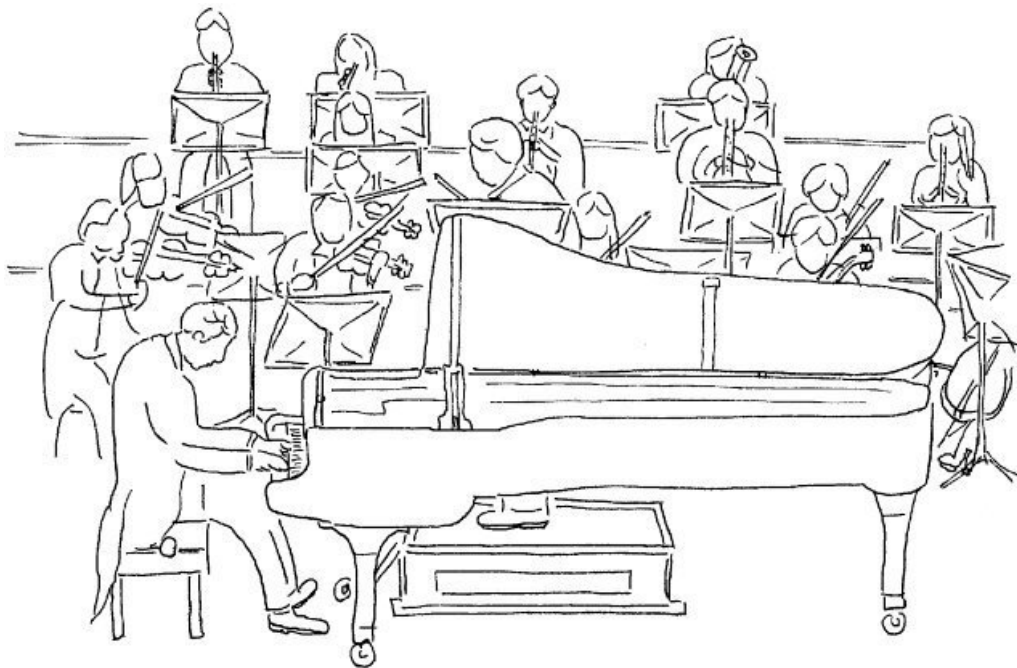
Смятение в отцовском взоре смягчило Тома́. Ни разу в жизни он не видел отца таким печальным. Профессор был гордым человеком, умевшим скрывать грусть и при любых обстоятельствах твердившим, что все в порядке, хотя его сын лучше кого-либо другого знал, что это далеко не так.

– Твоя взяла, – смирился Тома́. – Встретимся здесь после концерта и поедem ко мне. В этот раз я тебя выслушаю.

Отец обнял его, и Тома́ почувствовал его нежность. Поколебавшись, он тоже обнял отца – и ощутил непривычную живительную полноту чувств.

Водитель, наблюдавший за ним издали, тронулся с места, бормоча:

– Ох уж эти актеры! Те еще чудакИ!

5

Отец дожидался его у служебного выхода, подпирая уличный фонарь. Тома́ застыл, любясь неизменным отцовским плащом, из-под которого торчали фланелевые брюки и отменно надраенные мокасины. Раймон вскинул голову и встретил его ласковой улыбкой.

- Как ты отыграл? – спросил он.
- Без единой фальшивой ноты, – заверил его Тома́.
- Как твоя мать?
- Откуда ты знаешь, что она была у меня, если оставался снаружи?
- Я видел, как она входила, – смущенно ответил Раймон.
- Ладно, давай поторопимся, я устал.

Тома́ дошел до станции метро.

- Мы не поедem на такси? – испугался Раймон.
- Думаешь, я такой богач?
- Я рад бы тебя выручить, да вот беда, мой банковский счет закрыт, – пошутил Раймон. – Терпеть не могу метро. Но раз у нас нет выбора...

Даже в этот поздний час поезд оказался набит битком. Тома́ сделал пересадку на станции «Вилье» и смог сидя проехать до остановки «Вокзал Сен-Лазар», где вошло много народу. Отец стоял с ним рядом, не испытывая необходимости держаться за поручень.

– Уступи место, – сказал он сыну шепотом, указывая глазами на пожилую пассажирку, которой было трудно стоять.

Тома́ послушно вскочил.

– Извините, задумался.

Женщина признательно улыбнулась и села.

- Спасибо, что подсказал, – тихо обратился он к отцу, – я ее действительно не заметил.
- Забей на старуху, с такими забитыми артериями она вот-вот сыграет в ящик, можешь поверить моему опыту. Ты полюбуйся на красотку напротив! Благодаря мне она обратила внимание на тебя, то есть на твою галантность. Она так улыбается, что стоит тебе молвить ей словечко – и дело в шляпе.

Тома́ предпочел промолчать, чтобы не сойти за сумасшедшего в многолюдном метро. На станции «Опера» красотка вышла. Хирург проводил ее раздосадованным взглядом.

- Куда ты смотришь? «Опера»! Вдруг она балерина?
 - Если бы она вышла на «Сен-Лазар», то ты предположил бы, что она машинист теплового?
 - Вы что-то сказали? – спросила его пожилая пассажирка.
 - Нет, я разговариваю сам с собой, – виновато ответил он.
 - Ничего особенного, со мной такое тоже часто бывает.
- Отец укоризненно покачал головой.

Вернувшись домой, Тома́ с усталым вздохом повалился на диван.

- Мог бы хотя бы притвориться, что тебе приятно меня видеть, – упрекнул его Раймон.
- Приятно, а как же.
- Это признание равносильно согласию с тем, что я нахожусь здесь.
- Недели и месяцы после твоего ухода были нелегкими, но я уже начал привыкать к твоему отсутствию.
- Да уж, вижу.

– Ничего ты не видишь. Потеряв тебя, я провалился в бездну. Ты слышал, как я каялся перед твоей фотографией?

Вместо ответа на этот вопрос Раймон ласково улыбнулся сыну.

– Где ты был все это время?

– Сам не знаю. Мне самому было нелегко расстаться с жизнью, не говоря о том, чтобы потерять тебя.

– Как вообще живется там, на том свете?

– Тома́, – перешел отец на серьезный тон, – у меня нет права об этом рассказывать, но, если бы оно у меня и было, думаю, я не смог бы этого объяснить. Скажу так: там все по-другому.

– Ты счастлив... там, где находишься?

– Больше не мучаюсь ревматизмом, это уже кое-что. Если ты поможешь, я смогу быть счастливым.

– Если я помогу?..

– Я говорил, что мне нужно от тебя небольшое содействие.

– Это связано с той женщиной?

– С Камиллой! Я был бы тебе бесконечно признателен, если бы ты смог называть ее по имени, – ответил хирург, присаживаясь на клавиатуру пианино. – Как подумаю, сколько всего мы упустили, не пережили, сколько времени нам нужно наверстать...

– Да, знаю, и все это по моей вине, ты мне уже об этом говорил.

– Не только. Причина также в том, что в те времена такие вещи не практиковались.

– В общем, ты действительно явился, чтобы меня преследовать! Наверное, Сильвен недооценил масштаб ущерба.

– Наплюй на этого шарлатана. Ты сообщаем ему, что видишь привидение, но он проявляет халатность, ограничивается салонной болтовней, даже не удосуживается тебя обследовать. Померить тебе давление ему и то было трудно! Если бы пациент, тем более друг пришел ко мне с такой жалобой, я бы немедленно распорядился сделать кучу анализов.

– Это врачебная рекомендация? Думаешь, мне надо бежать в больницу? – испуганно спросил Тома́.

– Да, рекомендация, но она относится к твоему другу-психиатру. Сам ты в отличной форме, голова у тебя варит отменно. Думаешь, я не изучил твое состояние со всей дотошностью, как врач, с самого момента своего возвращения? Да, вид у тебя усталый, но в твоём возрасте не изнурять себя – значит наносить оскорбление жизни. Сам я в тридцать пять лет работал без передышки по двое суток и даже больше, и ничего, не умер.

– Так-таки не умер?

– Не забывай об уважении. Я героически преодолевал все трудности. С высоты своего опыта говорю тебе: ты тоже молодец. Попробуй обратиться в больницу с жалобой на донимающий тебя призрак отца – и увидишь, какой будет реакция.

Здесь он прав, подумал Тома́. Его молчание побудило отца продолжить:

– Камилла скончалась. – Говоря это, он смотрел в пол, как на похоронах. – Что ты на это скажешь?

– Что ты хочешь от меня услышать? Мне очень жаль. Но ведь я не был с ней знаком.

– Достаточно было бы слов сочувствия. Теперь, когда мы оба очутились по ту сторону, мы решили наконец соединиться... навсегда.

– Сам видишь, я за вас несказанно рад, но какое это имеет отношение ко мне? Хотя знаю какое: когда мамы тоже не станет, я буду лишен даже утешения представлять вас с ней вместе.

– Брось лицемерить, ты первый сказал мне, что наш развод стал для тебя облегчением.

– Ладно, но какая связь между вашими планами на вечность и мной?

– Раз ты сам упомянул о вечности... как ни смутно я ее себе представляю... то чтобы мы с Камиллой могли ее разделить, требуется соединить наш прах.

– Прости?..

– Можно сказать, перемешать. От тебя требуется совсем немного: пересыпать содержимое одной урны в другую и хорошенько все встряхнуть. Так наши останки перемешаются, и мы навсегда окажемся вместе. Не смотри на меня так, порядок во вселенной, тем более главные ее правила – не мое изобретение. Если бы нас погребли бок о бок, это решило бы проблему, но теперь уже поздно об этом говорить, и вообще, зачем довольствоваться однокомнатной квартиркой, когда есть возможность пользоваться широченной террасой с видом на море?

– Что еще за квартирка?

– Это метафора. Могила, склеп... Не говоря о соседях – это тоже немаловажно. Но мы с Камиллой хотим провести вечность на открытом воздухе. Я не прошу тебя достать луну с неба.

– Чего именно ты от меня хочешь? – спросил Томá и затаил дыхание.

– Мелочь, проще некуда. Похороны Камиллы пройдут через три дня, тебе всего-то и надо, что присоединиться к церемонии, дожидаться кремации и постараться завладеть ее урной – ненадолго, только чтобы пересыпать в нее содержимое моей. Вот и все, дело сделано!

– Ты забыл добавить, что я еще должен все это хорошенько встряхнуть, – насмешливо напомнил Томá.

– Это само собой.

– Я резюмирую: ты хочешь, чтобы я пришел на похороны незнакомой мне женщины, твоей возлюбленной, и похитил то, что от нее останется, из-под носа у ее близких.

– Совершенно верно.

– Пожалуй, достать луну с неба было бы попроще. Где похороны? – осведомился Томá так же иронично.

– В Сан-Франциско.

– Ну, разумеется.

– Почему ты произносишь это свое «разумеется» таким странным тоном?

– Это у меня странный тон?

– Вот именно, ты говоришь со мной странным тоном.

– Насколько я понимаю, если бы ее хоронили на кладбище Пантен или Пер-Лашез, то задача была бы слишком простой?

– Необязательно. Как ты понимаешь, я тут ни при чем, – не я отправил ее жить за тридевять земель. Как мы ни старались соблюдать осторожность, ее муженек в конце концов пронюхал, что что-то не так, и сделал все, чтобы между нами разверзся океан. Он устроил себе перевод по работе в Калифорнию. Обрубил своей семье корни, вот эгоист так эгоист!

– А по-моему, он смельчак: на все махнул рукой ради любви, отправился на край света, чтобы сохранить брак.

– Его погнала туда не любовь, а ревность!

– Зачем же она последовала за ним, если души не чаяла в тебе?

– Из-за дочери. Это как у нас: из-за тебя я остался в Париже.

– Прости, забыл, что испортил тебе жизнь.

– Я этого не говорил и никогда ничего подобного не думал. Так или иначе, бегство ему не помогло.

– Откуда ты знаешь?

– После ее отъезда я проявил себя как ответственный семьянин. Я отпустил ее, а вас, тебя и твою мать, оставить не смог. Я не стал мучить Камиллу и замолчал на долгие месяцы. Каждый день этого молчания стоил мне очень дорого, особенно цена возрастала, когда мы уезжали на летние каникулы. Если бы Камилла снова полюбила своего мужа, то не написала бы мне первой и мы не переписывались бы потом целых двадцать лет.

– Ты рассказывал о нашей жизни чужой нам женщине?

– Не о нашей, а о своей. Вокруг тебя вращалось многое, но не все.

– А что делал ее муж, когда они поселились в Америке? Не отвечай, сам не знаю, зачем задал этот вопрос.

– В то время он работал инженером в аэрокосмической отрасли. Потом, благодаря развитию высоких технологий в Кремниевой долине, он стал мультимиллионером. Вульгарно, конечно, но каждый делает что может, не правда ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.